Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2026. № 3 (312). С. 213–218.
Izvestia Voronezh State Pedagogical University. 2026. (3), 213–218.

Научная статья
УДК 81.11
DOI 10.47438/2309-7078_2026_3_213.

СИСТЕМА ДОКУМЕНТНЫХ НОМИНАЦИЙ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ XVIII ВЕКА (на материале лексикографических источников и деловых текстов)

Офелия Сергеевна Варенова[1]

Воронежский государственный педагогический университет[1]
Воронеж, Россия

[1]*Аспирант кафедры русского языка, современной русской и зарубежной литературы, e-mail: varenovaos11@gmail.ru*

Аннотация. В статье на материале лексикографических источников и деловых текстов XVIII века исследуется система номинаций государственных, юридических и военных документов как репрезентативный фрагмент формирующейся терминологической системы русского языка. Актуальность исследования обусловлена значимостью данного исторического периода для становления официально-делового стиля и бюрократической культуры в России. В работе анализируются основные характеристики изучаемой терминосистемы: полиглоссный характер номинаций с преобладанием заимствованной лексики при сохранении продуктивного исконного словообразовательного потенциала; семантическая динамика терминов, отражающая институциональные трансформации и эволюцию документных практик; структурное разнообразие терминологических единиц с тенденцией к компрессии описательных конструкций; высокая вариантность на фонетическом, графическом и морфологическом уровнях как свидетельство незавершённых процессов освоения иноязычной лексики; развитые синонимические связи, демонстрирующие конкуренцию исконных и заимствованных номинаций в контексте смены культурных парадигм. Особое внимание уделяется социально-маркирующей функции терминосистемы, отражающей иерархическую структуру имперского общества и статусную дифференциацию участников делопроизводственных процессов. Делается вывод о том, что к концу столетия происходит унификация и стилистическая дифференциация терминологических единиц, что знаменует переход от избыточной вариативности к упорядоченной системе, заложившей основы современного официально-делового стиля русского языка.

Ключевые слова: документная номинация, терминосистема, XVIII век, русский язык, полиглоссность, семантическая динамика, вариантность, синонимия, структурная компрессия.

Для цитирования: *Варенова О.С.* Система документных номинаций в русском языке XVIII века (на материале лексикографических источников и деловых текстов) // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2026. № 3. С. 213–218. DOI: 10.47438/2309-7078_2026_3_213.

Введение

XVIII век в истории России справедливо характеризуется исследователями как эпоха кардинальных административных преобразований, затронувших все уровни государственного управления и приведших к созданию разветвленной иерархической сети бюрократических учреждений с многочисленным штатом чиновников [1; 7; 10]. Реформы Петра I, а затем Екатерины II коренным образом изменили систему государственного управления, заменив приказную систему коллегиями, учредив Сенат и прокуратуру, что создало принципиально новую управленческую реальность. Неотъемлемой составляющей этой новой государственно-управленческой культуры стал стремительный рост документооборота, обусловленный усложнением административных процедур и утверждением принципа законности, требующего письменного оформления всех властных распоряжений, финансовых операций и судебных решений.

В этих историко-политических условиях закономерно формируется особый пласт терминологии — наименования государственных, юридических и военных документов, который представляет собой сложную терминосистему, отражающую глубинные языковые и культурные процессы исследуемой эпохи [3; 4]. Система номинаций управленческих документов, будучи

© Варенова О.С., 2026

динамическим языковым образованием, фиксирует не только эволюцию делопроизводственных практик, но и более широкие социокультурные процессы: становление бюрократического аппарата как особого социального института, заимствование европейских административных и правовых норм, формирование литературного языка и его функционально-стилевой дифференциации, а также смену культурных парадигм, выражающуюся в переориентации с византийско-московских образцов на западноевропейские стандарты государственности.

Несмотря на то что отдельные аспекты истории русского делопроизводства XVIII века уже привлекали внимание исследователей [2; 6; 11], системное лингвистическое описание номинаций управленческой документации остается недостаточно разработанным. В имеющихся работах преимущественно рассматриваются либо общие закономерности развития русского литературного языка в XVIII веке, либо отдельные группы заимствований, либо историко-юридические аспекты делопроизводства. Комплексный анализ документных номинаций как целостной терминологической подсистемы, учитывающий структурные, семантические, словообразовательные и социокультурные характеристики, до настоящего времени не предпринимался, что обусловливает актуальность настоящей работы, выполненной на материале лексикографических источников XVIII века (в первую очередь «Словаря Академии Российской» [8] и «Словаря русского языка XVIII века» [9]), а также деловых текстов различных жанров — указов, докладов, донесений, грамот, договоров и др. Выбор лексикографических источников обусловлен их репрезентативностью и системностью фиксации лексического материала, а обращение к деловым текстам позволяет проследить реальное функционирование терминов в документальной практике. Хронологические рамки исследования охватывают XVIII век — от петровских преобразований до конца екатерининской эпохи, что дает возможность проследить эволюцию терминосистемы на протяжении столетия.

Результаты

Анализ фактического материала позволил выявить особенности системы номинаций государственных управленческих (распорядительных, финансовых, судопроизводственных) документов, среди которых наиболее яркими представляются следующие:

1. Полиглоссность. Русский язык этого периода активно принимал термины из разных европейских языков, которые выступали в роли инструментов номинативной оптимизации, обеспечивая переход от избыточных дескриптивных формулировок к экономичным и стандартизированным единицам профессиональной терминологии. Как показало исследование, термины-заимствования составляют почти две трети (65,3%) всех номинаций документов, находящихся в активном употреблении в русском языке XVIII века.

Немецкое влияние (24%) было наиболее заметным в военной и административной сферах (напр., *абшид* (нем. Abschied, непоср. и через пол. abszyt) — 1) увольнение со службы или свидетельство о нем, 2) письменное разрешение на въезд за границу, пропуск [5]; *вексель* (нем. Wechsel) – документ, содержащий какие-либо денежные обязательства [9; 12], *плакат* (нем. Placat; фр. placard) — 1) указ, приказ; манифест, 2) договор об оплате работ [9; 13]; *адрес-календарь* (нем. Adress Kalender) — ежегодная роспись должностных лиц в государственных учреждениях, духовном ведомстве, гвардии [9; 12]. Характерно, что многие из этих слов приобрели в русском языке более узкую или, напротив, расширенную семантику. Так, термин «абшид» (фиксируется с 1711 г.) первоначально мог означать письменное разрешение на выезд за границу, пропуск, а в Германии и прибалтийских губерниях — судебное решение с пометой «юр.».

Во второй половине XVIII века усиливается влияние на русский язык французского языка (16%), особенно в дипломатии и юриспруденции. Термин *аккорд* (фр. Accord через пол. akord или нем. Accord)в XVIII веке означал договор, соглашение, а также с пометой «воен.» договор о сдаче города, крепости на определенных условиях [9], термин *депеша* (фр. dépêche) в значении «дипл.; письмо, письменное донесение» заменил громоздкие описательные обороты [9; 12]; *адрес* (фр. address, через английское посредство) закрепился как «письменное заявление какого-либо конституционного органа или группы населения главе правительства (первонач. об Англии) — жанр, пришедший из парламентской практики Англии [9].

Латынь выступала как универсальный язык права и науки, поставляя термины для судопроизводства и абстрактных процедур (12,7%): *акт* (лат. actum, непоср. и через пол. akt) в значении «правовой документ различного характера» с пометой «юр.»; *аргумент* в значении «документ, текст»; *декларация* (лат. declaratio, непоср. и через пол. deklaracya, фр. déclaration) – 1) дипл.; объявление; акт, указ; 2) таможенная декларация;*д окумент* (лат. documentum, непоср. и через пол. dokument) – канц.; деловая бумага, удостоверяющая что-либо, *ассигнация* (лат. assignatio, непоср. и через пол. asygnacja, бел. асыгнация, нем. Assignation) – 1) письменное распоряжение, назначение; 2) фин.; распоряжение о денежном платеже; документ, такое распоряжение содержащий; противоп. Вексель [9]. Отмеченные лексемы, часто приходя через польское или немецкое посредство, отличались официальным, книжным характером.

Через посредство польского языка в русский язык пришли термины *авизы* (ит. avviso, через пол. awizy — «вестовые письма», листы (рукописные и печатные) с известиями из других стран о каких-л. событиях),*диплом* (пол. dyplomat <лат) - документ, подтверждающий право лица на какой-либо чин, звание, владение чем-либо и т. п.; жалованная грамота; *мандат* (пол. mandat – приказ, повеление; поручение) [9] (9,3%). В словарях русского языка XVIII польское происхождение регулярно указывается для многих терминов, пришедших в русский язык через «белорусское посредство» (бел. асыгнация, атестация).

Наряду с заимствованиями (в том числе кальками типа *вѣрительная грамота*, *вѣрющее письмо*; *запечатанная грамота*; *хартия вольностей* и др.), продолжает активно функционировать и исконная лексика (34,7%). Наиболее продуктивными способами формирования документных номинаций была суффиксация с помощью отвлеченных суффиксов:

- -аци(я) (из лат. -atio, через нем. -ation, фр. -ation): *ассигнация, аттестация, декларация, диспозиция, конфирмация, нотификация и др.,* который стал маркером официального, процедурного действия;
- -к(а) (исконный, но активно применяется к заимствованным основам): *выписка, записка, отписка, росписка, повинка и др.*;
- -ств(о), -ни(е): *обязательство, постановление.*

Префиксация менее активна: *безопасная грамота* (от опасная, т.е. охранная); *запись и расписка* различаются приставками (за- и раз-/рас-), обозначая разные типы обязательств.

Отмеченные процессы способствовали формированию сложной системы стилистических и семантических дублетов, борьбе между «своим» и «чужим», которая часто разрешалась в пользу более точного или престижного заимствования.

2. Семантическая динамика, связанная с расширением или сужением плана содержания термина. Действительно, в системе документных номинаций XVIII века происходят интересные семантические процессы: их значения могут сужаться, расширяться или смещаться по сравнению с языком-источником. Особого внимания заслуживают случаи сосуществования нескольких значений, отражающих развитие самого института документа.

Так, например, термин *ассигнация* (от лат. assignatio, непоср. и через пол. asygnacja) в первой трети XVIII века — это прежде всего «письменное распоряжение, назначение». Это мог быть указ о постое (*квартирная ассигнация*) или распоряжение о денежном платеже, противопоставленное векселю: «Ассигнация разнствует от векселя, ибо в ассигнации один приказывает двоим» (Векс. право, 49) [9]. Лишь к концу века, при Екатерине II, это слово приобретает значение бумажного денежного знака, заменив более ранний термин «билет». Таким образом, семантика термина претерпела изменение: от значения «письменный приказ» к значению «финансовый документ».

Слово *билет* (фр. billet, непоср. и через нем. Billett) в начале XVIII века — это любой официальный документ: «билет за руками судящих», пропуск, квитанция, свидетельство. В екатерининскую эпоху термин «билет» имеет значение «денежный бумажный знак; ценная бумага» («*банковые билеты*»), а также «лотерейный билет» или «ломбардный билет» [9]. Как видно, произошло сужение значения до финансово-игровой сферы.

Семантика слова *акт* (лат. actum) демонстрирует изменения, связанные с переходом от значения «единичный документ» («*акт регентства*») к значению «собрание документов» (ср. множественное число «акты» в значении «судебные документы (об иностранном судопроизводстве)») [8; 9]. Именно в XVIII веке закладывается современное понимание акта как важного юридического или исторического документа, в то время как в начале столетия оно могло означать любое договорное письмо.

Термин *абшид* представляет собой классический пример многозначности. Первое значение («отставка, увольнение со службы и письменное свидетельство о ней») сосуществует со вторым («письменное разрешение на выезд за границу; пропуск») и третьим («судебное решение» в Германии и Прибалтике). Уникальным является единичное употребление в значении «отпускная для крепостного» («Каин за правой донос учинен вольным и дан ему от тайной канцелярии для свободнаго житья абшит»). Это показывает, как в семантике иноязычного слова получают закрепление разные реалии русской действительности.

3. Структурное разнообразие, которое проявляется в сосуществовании в пределах терминосистемы однословных терминов и многокомпонентных единиц:

- однокомпонентные термины, которые могут быть однолексемными (*акт, абшид, грамота, вид, выбор, декларация* и др.) или билексемными (*адрес-календарь* и др.);

- двухкомпонентные термины являются биноминативными/ двуименными единицамии чаще всего образованы по моделям «прилагательное + существительное»: *валовая выпись, ввозная грамота, доездная память, зазывная грамота, здравоохранительная грамота, именной указ, квартирная ассигнация, межевая книга, мирный договор, наказная память, объявительный лист, оправдательное письмо, отсрочное челобитье, отъявочная книга, поклепный иск, полномочная грамота, поручная запись, послужной список, предложительное объявление, примерное письмо, проезжая грамота, уволительный абшид, генеральный регламент* и др.; и «существительное + существительное в родительном падеже»: *грамота безопасности*, *абшид от службы*, *письмо о бракосочетании, указ о постое, контракт беспечности* и др.

Следует отметить, что в качестве категориального определителя заимствованного термина чаще всего используется русское родовое слово (поручный, проезжий, доездный и др.), что помогало освоению и уточняло значение термина. Подобные сочетания являются характерными явлениями для становящейся терминологии.

Кроме того, встречаются немногочисленные трехкомпонентные термины (особенно в официальных названиях): *адрес-календарь российский, великая хартия вольностей* и др. Особенно продуктивны атрибутивные цепочки: *межевой губернский атлас*, *городовая обывательская книга, отъявочная (отъявная) переносная выписка* и др.

Исследование структурных особенностей терминов, номинирующих государственную документацию, позволяет проследить интересную динамику: если в начале XVIII века преобладают описательные конструкции(например, «*писмо заемное на 1520 левков*», «*грамота о строении церкви*»), то к середине — второй половине века они заменяются более компактными терминами, часто однословными заимствованиями или устойчивыми сочетаниями-клише: например, «письменное свидетельство об отставке» — «абшид», «роспись должностных лиц в государственных учреждениях» — «адрес-календарь», «письменное распоряжение о денежном платеже» — «ассигнация». Этот процесс терминологической компрессии является универсальной чертой формирования профессиональных языков. Чем более развитой становится бюрократическая система, тем больше ей требуется кратких, точных и стандартизированных номинаций.

4. Вариантность, представленная на разных уровнях языковой системы. Эти особенности не только отражают процессы освоения иноязычной лексики, но и демонстрируют становление самого жанра деловой письменности.

Фонетическая и графическая вариативность заимствованных терминов является одной из самых заметных структурных особенностей исследуемой подсистемы. Словари русского языка XVIII века фиксируют многочисленные варианты написания и произношения одного и того же слова, что свидетельствует о периоде активного, но еще не завершившегося освоения иноязычной лексики [5]. Ср. варианты: *абшид -аншид*,

аншит, в которых чередования звонких и глухих согласных (б/п,д/т) отражают адаптацию немецкого термина к русской фонетической системе, где оглушение звонких на конце слова было нормой. Ср. также: *аккорд - акорт*, *окорт*, *акорд*; *ассигнация- осигнация*, *асигнация*, *обсигнация*; *аттестат – атестат*; *билет – бильет*. Подобная вариативность имеет несколько причин: во-первых, устный путь заимствования (через военную или дипломатическую речь); во-вторых, влияние разных языков-посредников (немецкий, польский, голландский); в-третьих, отсутствие строгой орфографической нормы в первой половине века. Графические дублеты включают использование *«и»* и *«ѣ»* (фита), *«ижицы»* (напр., *синодальная грамота* могла писаться через «фиту» или «и»). Однако к концу века, с реформами орфографии и унификацией делопроизводства, вариативность резко снижается.

Морфологическая нестабильность: колебания в роде, числе и склонении. Морфологическое освоение иноязычных терминов также сопровождалось колебаниями. Словари русского языка XVIII века фиксируют колебания в роде (*аттестат* — устойчиво м. род и вариант *атестация* как ж. род для отвлеченного понятия; *акт и акта, депеша и депеш* и др.), колебания в числе (особенно интересны случаи, когда форма множественного числа приобретает новое, самостоятельное значение: а*кты* (мн. ч.) — это уже не просто несколько документов, а собрание юридических или исторических материалов, близкое к современному пониманию; *авизы* — преимущественно употребляется во множественном числе (от ит. *avvisi*) – вестовые письма или газеты; *мемории* (мн. ч. от *мемория*) — докладные записки), колебания в склонении (ср. варианты окончаний в родительном падеже множественного числа *аргументов* и *аргумент* (нулевое окончание — следы старого или книжного склонения), *депеш* и *депешей*), что свидетельствует о сосуществовании разных словоизменительных парадигм.

5. Развитые синонимические связи между единицами терминосистемы.

Как известно, XVIII век — это эпоха языкового изобилия и избыточности в сфере номинаций. Одна и та же реалия могла называться по-разному: исконным словом, славянизмом, калькой, прямым заимствованием из немецкого или французского. Эта конкуренция отражала борьбу различных культурных ориентаций (старомосковской, петровской западнической, екатерининской просвещенной) и процессов унификации делопроизводства. Наиболее яркий пример — ряд слов со значением «донесение, сообщение»: *отписка* (исконное, из приказного языка) – *реляция* (из польского/немецкого — военный рапорт), *рапорт* (из французского — через военную службу), *доношение* (официальный доклад в инстанцию), *депеша* (дипломатическое донесение), *мемориал* (докладная записка), *авизы* (вести из-за границы). Особую группу составляют названия книг для регистрации: *журнал* (поденная запись), *мемория* (памятная запись), *метрика* (церковная запись о рождении и смерти), *перепись, опись, выписка* (сводная ведомость), которые указывают на развитие учетных и регистрационных функций государства.

Весьма показательной была борьба славянских и заимствованных терминов для обозначения свода правил или наставления. Исконное *наказ* в петровскую эпоху начинает вытесняться латинско-немецким *инструкция,* однако во второй половине века номинация «наказ» возвращается как высокий термин для обозначения законодательного акта огромной важности («Наказ» Екатерины II Уложенной комиссии): «Наказ значил то; что послѣ ввели чуждое речение инструкция», «Инструкция, безнужное чуждое речение, прежде писали наказ, а иногда наказная память». Это редкий случай победы исконного слова в бюрократической сфере. Аналогичные процессы происходят между терминами *«устав» и «артикул»* (военный устав), *«договор», «трактат» и «аккорд», «челобитная» и «жалобница».* Последний случай особенно показателен: при Екатерине II «челобитная» официально заменяется на «жалобницу» или «прошение», чтобы искоренить приказную традицию «битья челом» и ввести более рациональные, «просвещенные» формы обращения к власти.

Каждое слово занимало свою нишу по сфере употребления и стилю, но границы были подвижными. Например, «*отписка*» в начале века — это нейтральное официальное донесение воеводы в приказ, а к концу века она может звучать архаично или даже иронично («бряк ко мне отписка с почты»).

Следует подчеркнуть, что система названий документов в XVIII веке была иерархична и отражала положение человека в обществе. Одно и то же действие — например, обращение к власти — называлось поразному в зависимости от статуса просителя и адресата: *челобитная* (от «бить челом») — это название прошения, уходящее корнями в допетровскую Русь, которое при Екатерине II было заменено на *жалобница/ прошение.* Введением нового термина власть стремилась изменить саму психологию подданного: не рабски «бить челом», а гражданообразно «подать жалобу».

Абшид, аттестат, патент — это термины – названия документов, которые фиксируют не только факт службы, но и чин, звание, принадлежность к сословию, а термин «*послужной список*» — обозначает не просто перечень должностей, а документ, формирующий карьерную траекторию дворянина.

Появление термина *адрес-календарь* в значении «ежегодная роспись всех чинов и присутственных мест» свидетельствует о «материализации» бюрократической иерархии, превращении ее в зримый, поддающийся учету порядок.

Выводы

Проведенное исследование показало, что система документных номинаций XVIII века представляет собой целостную и динамичную языковую подсистему, отражающую ключевые процессы становления новой российской государственности. Анализ фактического материала дает основание утверждать, что к концу столетия в данной терминосистеме происходят качественные изменения: избыточная вариантность и многоязычная гетерогенность начального этапа сменяются тенденциями к унификации, стандартизации и иерархической упорядоченности. Это позволяет рассматривать исследуемый период как важнейший этап в формировании терминологического фундамента официально-делового стиля русского языка, заложивший основы для его последующего развития в XIX веке. Семантическая и структурная эволюция номинаций документов неразрывно связана с институциональными трансформациями имперской бюрократии, а социально-маркирующая функция терминов закрепила в языке сословно-иерархическую структуру общества, что подтверждает тесную взаимосвязь языковых и социокультурных процессов в изучаемую эпоху.

Библиографический список

1. Анисимов Е. В. Россия без Петра, 1725-1740. СПб.: Лениздат, 1994. 496 с.
2. Живов В.М. Язык и культура в России XVIII века. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 591 с.
3. Заварзина Г.А. Русская лексика государственного управления: история формирования и современные процессы развития: дис. доктора ... филол. наук. Воронеж, 2015. 381 с.
4. Заварзина Г.А., Гей Фама. Эволюционные процессы в иноязычной лексике (на материале подсистемы российского государственного управления)// Вестник ВГУ. Серия Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2024. №3. С.144-149.
5. Заварзина Г.А., Гей Ф. Хроногенеалогическая периодизация заимствованной лексики государственного управления // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2023. № 4 (301). С. 150–154.
6. Каменский А. Б. От Петра I до Павла I: Реформы в России XI века. М.: РГГУ, 1999. 575 с.
7. Кротов П.А. Международно-правовое оформление России как великой державы в первой трети XVIII в. (к постановке вопроса)// Российская монархия: вопросы истории и теории. Межвузовский сборник статей, посвящённый 450-летию царства в России (1547-1997 гг.). Воронеж: Истоки, 1998. С. 114-119.
8. Словарь Академии Российской, производным путем расположенный. СПб., 1789–1794. Ч. 1–6.
9. Словарь русского языка XVIII в. СПб.: Наука, 1985 -2007. Вып. 1-17.
10. Стешенко Л.А., Софроненко К.А. Государственный строй России в первой четверти XVIII в. М., 1973. 120 с.
11. Успенский Б.А. История русского литературного языка (XI–XVII вв.). М.: Аспект Пресс, 2002. 558 с.
12. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4-х тт./ под ред. и с предисл. Б.А. Ларина. 2-е изд., стер. М.: Прогресс, 1986
13. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. 7-е изд., стереотип. М.: Рус. Яз.- Медиа, 2007.

References

1. Anisimov, E.V. (1994). *Rossiia bez Petra, 1725–1740* [Russia without Peter, 1725–1740]. Saint Petersburg, Lenizdat. (In Russian)
2. Zhivov, V.M. (1996). *Iazyk i kul'tura v Rossii XVIII veka* [Language and culture in Russia of the 18th century]. Moscow, Shkola «Iazyki russkoi kul'tury». (In Russian)
3. Zavarzina, G.A. (2015). *Russkaia leksika gosudarstvennogo upravleniia: istoriia formirovaniia i sovremennye protsessy razvitiia* [Russian lexicon of public administration: history of formation and modern processes of development] (Doctoral dissertation). Voronezh. (In Russian)
4. Zavarzina, G.A., & Gei, F. (2024). Evoliutsionnye protsessy v inoiazychnoi leksike (na material podsistemy rossiiskogo gosudarstvennogo upravleniia) [Evolutionary processes in foreign-language vocabulary (based on the subsystem of Russian public administration)]. *Vestnik VGU. Seriia Lingvistika i mezhkul'turnaia kommunikatsiia*, (3), 144–149. (In Russian)
5. Zavarzina, G.A., & Gei, F. (2023). Khronogenealogicheskaia periodizatsiia zaimstvovannoi leksiki gosudarstvennogo upravleniia [Chronogenealogical periodization of borrowed vocabulary of public administration]. *Izvestiia Voronezhskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Proceedings of Voronezh State Pedagogical University], (4/301), 150–154. (In Russian)
6. Kamenskii, A.B. (1999). *Ot Petra i do Pavla I: Reformy v Rossii XI veka* [From Peter I to Paul I: Reforms in Russia of the 11th century]. Moscow6 RGGU. (In Russian)
7. Krotov, P.A. (1998). Mezhdunarodno-pravovoe oformlenie Rossii kak velikoi derzhavy v pervoi treti XVIII v. (k postanovke voprosa) [International legal formalization of Russia as a great power in the first third of the 18th century (towards the formulation of the problem)]. In: *Rossiiskaia monarkhiia: voprosy istorii i teorii. Mezhvuzovskii sbornik statei, posviashchennyi 450-letiiu tsarstva v Rossii (1547–1997 gg.)* [Russian monarchy: issues of history and theory. Interuniversity collection of articles dedicated to the 450th anniversary of the tsardom in Russia (1547–1997)] (pp. 114–119). Voronezh6 Istoki. (In Russian)
8. *Slovar' Akademii Rossiiskoi, proizvodnym putem raspolozhennyi* [Dictionary of the Russian Academy, arranged by derivational principle]. (1789–1794). Parts 1–6. Saint Petersburg. (In Russian)
9. *Slovar' russkogoiazyka XVIII v.* [Dictionary of the Russian language of the 18th century]. (1985–2007). Issues 1–17. Saint Petersburg, Nauka. (In Russian)
10. Steshenko, L.A., &Sofronenko, K.A. (1973). *Gosudarstvennyi stroi Rossii v pervoi chetverti XVIII v.* [State system of Russia in the first quarter of the 18th century]. Moscow. (In Russian)
11. Uspenskii, B.A. (2002). *Istoriia russkogo literaturnogo iazyka (XI–XVII vv.)* [History of the Russian literary language (11th–17th centuries)]. Moscow, Aspekt Press. (In Russian)
12. Fasmer, M. (1986). *Etimologicheskii slovar' russkogo iazyka* [Etymological dictionary of the Russian language] (Vols. 1–4, 2nd ed.). Moscow, Progress. (In Russian)
13. Chernykh, P.Ia. (2007). *Istoriko-etimologicheskii slovar' sovremennogo russkogo iazyka* [Historical-etymological dictionary of the modern Russian language] (Vols. 1–2, 7th ed., stereotype). Moscow, Russkii iazyk – Media. (In Russian)

Поступила в редакцию 24.07.2026
Подписана в печать 30.09.2026

Original article
UDC 81.11
DOI 10.47438/2309-7078_2026_3_213.

SYSTEM OF DOCUMENT NOMINATIONS IN THE RUSSIAN LANGUAGE OF THE 18TH CENTURY (BASED ON LEXICOGRAPHIC SOURCES AND BUSINESS TEXTS)

Ophelia S. Varenova[1]

Voronezh State Pedagogical University[1]
Voronezh, Russia

[1]*Postgraduate Student of the Department of Russian Language, Modern Russian and Foreign Literature, e-mail: varenovaos11@gmail.ru*

Abstract. The article, based on lexicographic sources and business texts of the 18th century, examines the system of nominations for state, legal, and military documents as a representative fragment of the emerging terminological system of the Russian language. The relevance of the research is determined by the significance of this historical period for the formation of the official business style and bureaucratic culture in Russia. The paper analyzes the main characteristics of the terminological system under study: the polylingual nature of nominations with a predominance of borrowed vocabulary while maintaining productive native word-formation potential; the semantic dynamics of terms reflecting institutional transformations and the evolution of documentary practices; the structural diversity of terminological units with a tendency toward compression of descriptive constructions; high variability at phonetic, graphic, and morphological levels as evidence of incomplete processes of foreign vocabulary acquisition; developed synonymic relations demonstrating the competition between native and borrowed nominations in the context of changing cultural paradigms. Special attention is paid to the socially marking function of the terminological system, reflecting the hierarchical structure of imperial society and the status differentiation of participants in document-flow processes. It is concluded that by the end of the century, unification and stylistic differentiation of terminological units occur, marking the transition from excessive variability to an ordered system that laid the foundations of the modern official business style of the Russian language.

Key words: document nomination, terminological system, 18th century, Russian language, polylingualism, semantic dynamics, variability, synonymy, structural compression.

Cite as: Varenova, O.S. (2026) System of document nominations in the Russian language of the 18th century (based on lexicographic sources and business texts). *Izvestia Voronezh State Pedagogical University*. (3), 213–218. (In Russ., abstract in Eng.). DOI: 10.47438/2309-7078_2026_3_213.

Received 24.07.2026
Accepted 30.09.2026